

«Боже мой», — сказала Лара вслух про себя. "Что я собираюсь делать?" Ее голос звучал тонко и тихо в пустой гостиной.

Лара была в затруднительном положении. Ее парень Чак вышел из ее дома 20 минут назад. Ранее в тот же день он убедил ее позволить ему раздеться, связать ее и сфотографировать. Он сказал, что это было в честь Дня обнаженной натуры. Он хотел разместить ее фотографии на фетиш-сайте, участником которого он был. Он пообещал спрятать или вырезать ее лицо из фотографий, чтобы никто ее не узнал. По причинам, которые она не могла объяснить и которые казались особенно сомнительными сейчас, в ее нынешнем затруднительном положении, она согласилась.

Поначалу все шло хорошо, хотя она и нервничала. Чак связал ее и достал из сумки фотоаппарат, чтобы начать фотографировать. Но через несколько минут на его лице появилось забавное выражение. Лара уже видела этот взгляд раньше. Он увидел такой взгляд, когда собирался разыграть, что он делал часто. Дрожь нервозности сотрясла ее тело, когда она увидела это выражение его лица в своем нынешнем состоянии.

«Мне нужно вас взволновать», — сказал он.

«Нет, ты не знаешь», сказала Лара. «Я уже взволнован».

«Недостаточно», сказал Чак.

Он вытащил что-то из большой сумки, которую принес в дом Лары. Это был вибратор в стиле кролика, с одним длинным кончиком для введения, а другим для прикосновения к клитору. Дьявольская ухмылка расплзлась по лицу Чака.

«Это несправедливо», сказала Лара.

«Все справедливо в похоти и рабстве», — сказал он.

«Вы бы сказали что-то вроде этого».

«Я бы сделал это. Тебе это понравится».

Он щелкнул выключателем кролика, и длинная фиолетовая игрушка зажужжала и дернулась в его руке. Глаза Лары расширились. Чак и раньше использовал на ней игрушку, но никогда, когда она была связана. Это всегда заставляло ее киску хлынуть, а тело трястись от сотрясающего комнату оргазма.

Она почувствовала, как толстый кончик продвинулся вперед между ее губами, в борозду между ее ногами. Лара изогнулась от его прикосновения, ограничители удерживали ее на месте. Улыбка Чака стала шире. Вибратор продолжал двигаться вперед, растягивая ее внутренности, пока толстый конец не вошел в ее узкий, но влажный канал, а меньший кончик не коснулся ее чувствительного бугорка.

— Арррр, — крикнула Лара, натягивая наручники и веревку, которые ее связывали.

Чак держал тонкий кончик кролика возле ее клитора, но двигал более толстой частью внутри нее так хорошо, как только мог. Устойчивая вибрация маленькой розовой ручки под капюшоном была почти слишком сильной. Она знала, что скоро придет. Она закрыла глаза, чтобы принять приближающийся прилив оргазма. Влага внутри уже накапливалась, и она чувствовала, как игрушка теперь скользко и легко скользит внутри нее. Она ожидала, что

наведет беспорядок на деревянном полу под собой.

Затем внезапно жужжание вокруг нее прекратилось. Она открыла глаза и увидела, как Чак вытаскивает из нее вибратор.

«Не останавливайся сейчас!» воскликнула она. «Я был близок! Ты должен прикончить меня».

— Это слишком быстро, — сказал Чак, его глаза сверкали озорством. «Я хочу, чтобы это длилось дольше. Я хочу, чтобы ты чувствовал возбуждение, пока тебя так связывают. Я хочу, чтобы ты чувствовал эту потребность кончить, пока стоишь там».

Лара ничего не сказала, и Чак какое-то время тоже. Его взгляд скользнул вверх и вниз по связанному телу Лары. Закончив разглядывать ее, он приблизился к ней и посмотрел ей в глаза.

«Знаешь, я только что кое о чём подумал», — сказал Чак. «Ты бы хорошо смотрелась со взбитыми сливками».

Лара сразу ничего не сказала. Лицо Чака исказила злая улыбка.

"И?" она сказала.

«У нас нет взбитых сливок», — сказал он. «Думаю, мне нужно купить немного. Да, я в этом уверен. Мне нужно сходить в магазин и купить немного взбитых сливок».

Понимание медленно приходило к Ларе. Он собирался оставить ее в таком состоянии, когда пойдет в магазин.

«Эм», сказала она. «Сначала тебе нужно выпустить меня из этого, верно? Ты же не собираешься оставить меня вот так?»

Глаза Чака долго смотрели на Лару, ровно и почти не моргая.

«Думаю, я оставлю тебя вот так. Я думаю, ты этого хочешь. Ты не думаешь, что хочешь, но я думаю, что хочешь. Я побегу в магазин. Я возьму немного взбитых сливок и еще чего-нибудь. вещи. Я не буду ждать слишком долго.

Он сделал драматическую паузу, пристально глядя на лицо Лары. Лара могла сказать, что ему нравилось ее нервозность.

«Два часа», — сказал он. «До тех пор с тобой все будет в порядке».

«Ты, должно быть, шутишь», — сказала Лара. «Чак, ты не можешь этого сделать. Выпусти меня. Мы сможем возобновить это, когда ты вернешься».

«Нет», сказал он. «Я собираюсь оставить тебя вот так. Думаю, тебе это понравится. Это пойдет тебе на пользу. Большую часть времени ты ведешь себя так скромно, но есть такая сторона тебя, которая хочет уйти, и я Я помогу тебе это сделать. Я вернусь через два часа. На кнопке. Никто не будет здесь и не увидит тебя до этого. К тому времени, как я вернусь, ты сойдёшь с ума от того, что я собираюсь сделать. сделать тебе».

Прежде чем Лара успела сказать что-нибудь дальше, Чак повернулся, открыл входную дверь, вышел и закрыл за собой дверь.

Лязг.

Чак ушел. Лара была дома одна.

Челюсть Лары отвисла от изумления и смятения.

* * * *

Теперь, 20 минут спустя, Лара не двинулась с места. В гостиной она находилась в том же положении, что и была. Она не могла пошевелиться, потому что ее руки были скованы толстыми кожаными наручниками над головой. Стальная цепь между наручниками была натянута между прочным рым-болтом, который Чак глубоко вкрутил в тяжелую деревянную балку посреди гостиной, поднимающуюся от пола до потолка.

Лара стояла лицом к входной двери дома, находившейся менее чем в пятнадцати футах от нее. Ее спина и зад упирались в прохладную древесину опорной балки. Она не могла никуда пойти. И она была совершенно обнажена.

Прежде чем вытащить камеру, Чак также связал ее правую ногу длинной джутовой веревкой, а другой конец привязал к балке над ее головой. В результате веревка удерживала ее правое бедро под прямым углом к левой ноге. Только подушечка ее левой ноги коснулась земли. Находясь передней частью тела к входной двери, Лара осознавала крайнюю уязвимость своего положения. Она была выставлена на всеобщее обозрение с раздвинутыми ногами для всех, кто мог войти в дверь.

Лара огляделась вокруг, гадая, как ей выйти из затруднительного положения. Она посмотрела над собой, на рым-болт, ввинченный в дерево. Она думала, что сможет его открутить, но руки не дотянулись. Одна из ее ног была свободна, но ей нужно было, чтобы на ней можно было стоять, да и делать с ней было нечего. Она подумала, что Чак в своей озорной спешке, вероятно, забыл ключ от наручников поблизости, но она не знала, где они. Вероятно, она не смогла бы до них добраться, даже если бы видела их.

Она натянула наручники, прижавшись к ним всем своим весом. Она задавалась вопросом, может ли такой вес сломать цепь или вырвать болт.

Это не сделало ни того, ни другого. Единственное, чего ей удалось добиться, — это заставить наручники впиться ей в запястья.

"Дерьмо!" - сказала она с болью. Она снова перенесла вес на ногу и перестала тянуть наручники.

Ее положение в расслабленном состоянии было неудобным, но и не болезненным. Если бы она сместилась вправо, то смогла бы перенести большую часть своего веса на моток веревки вокруг бедра и снять вес с ноги. Кожа наручников была мягкой, и они не причиняли боли, если она не тянула за них. Но она быстро поняла, что не сможет занимать эту должность вечно. Два часа, как обещал Чак, были долгим сроком, чтобы оставаться в таком положении.

Шли минуты, и ее гнев на Чака рос. Она знала, что частично виновата в этом. Они были парнем и девушкой последние два месяца. Вскоре после того, как они начали встречаться, Чак обнаружил свою любовь к извращенным играм, и Лара, вскоре разведенная после сексуально скучного брака, согласилась со всем, что предлагал Чак. Ларе нравилось ходить по лезвию ножа. Чаку нравилось ставить ее в уязвимое положение, и ей пришлось признать, что она получала заряд от того, что находилась в таком положении.

Но это было самое уязвимое положение, в котором она когда-либо находилась. Она была обнажена, в наручниках и связана, в пятнадцати футах от незапертой входной двери. Теоретически любой мог войти в дверь в любое время. Она знала, что это маловероятно. Шансов, что кто-нибудь войдет в дверь до возвращения Чака, оставшегося чуть больше полутора часов, было мало. Единственным человеком, который мог это сделать, был ее сын, который играл в бейсбол с друзьями из колледжа и должен был вернуться только после 18:00, то есть через несколько часов. Так что маловероятно, что кто-нибудь увидит ее до того, как Чак вернется и освободит ее.

Все еще . . . была возможность. Только незапертая дверь стояла между обнаженным, связанным, обнаженным телом Лары и остальным миром, и она ничего не могла с этим поделать, пока Чак не вернулся.

«Ты за это заплатишь, Чак», — сказала она двери. В ответ он ничего не сказал. Тишина, последовавшая за ее голосом, была почти осязаемой, тяжелой, гнетущей.

Со временем она стала более нервной. Она не думала, что ее сын вернется домой раньше Чака, но предполагала, что это возможно. Ее сын Коннор учился на первом курсе колледжа и жил в квартире в получасе езды от нее с двумя друзьями из колледжа. Но у него был ключ от дома, и Лара и Коннор говорили о том, что он пришел в дом поужинать с мамой в 6. Лара повернула голову направо. Часы на стене показывали, что сейчас только 13:00.

<http://erolate.com/book/4367/157390>